
Фабиан Хеффермель*

ИВАН КАРАМАЗОВ КАК МАТЕМАТИК

Введение

«Переносим мы вопрос о цели искусства от рассмотрения продуктов творчества к самым процессам творчества; продукты творчества — пепел и магма; процессы творчества — текучая лава»¹.

Этими словами А. Белый затрагивает тему отказа кубистской и супрематистской живописи от явления результативного. Нет заключительной целостности возрожденческого пейзажа, требующей взаимодействия между цветовой и линейной перспективами для создания однозначной иллюзии. Влиятельный американский искусствовед К. Гринберг определил модернизм как мета-критику, отражающую, в духе И. Канта, сами методы критики, и, тем самым, провоцирующую на размышление о характеристиках живописи, таких, как свойства пигментов и двухмерность холста. Этот формализм в искусстве начался с импрессионизма, когда художники осознанно стали не скрывать следы волос кисточки в мазках². Если холст и краски, необходимые для *процесса* творчества, раньше, под прикрытием иллюзии, были как будто несуществующими — «прозрачными», как стеклянное «окно» (выразим в свободной форме идею Альберти)³ — то теперь материалы и процессы приобретают независимое значение в раздробленных композициях. Раздробленность, в

---

* Фабиан Хеффермель закончил факультет графики в Академии художеств в Осло и факультет славистики в Университете им. Гумбольдта в Берлине, работает в Центре исследований России и Евразии Университета г. Уппсала, Швеция. Основные научные интересы: история богословия иконы, пространственные концепции русского модернизма, Флоренский, Достоевский.

свою очередь, отражает неопределенность культуры раннего XX века, когда новое общество только начинало строиться. Н. Бердяев, считая, что русская революция произошла «по Достоевскому», приписал великому писателю пророческий дар⁴. Художество Достоевского направлено как «вихри» «к неведомому грядущему»⁵. На наш взгляд, «пророчество» Достоевского заключается не столько в предполагаемом сходстве между фантастическими и историческими событиями, сколько в «кубистской» перемене фокуса от результативного и единого на процессуальное и расколотое. Вл. Соловьев еще сильнее подчеркивает процессуальный характер романов Достоевского: «Здесь все в брожении, ничто не устоялось, все еще только становится. Предмет романа здесь не быт общества, а общественное движение»⁶. Параллельно с усиливающимся чувством фрагментарности в культуре, наблюдается интерес к прерывности в исследованиях московского математика — отца А. Белого и преподавателя П. Флоренского — Н. Бугаева. На основе прерывных функций математики Бугаев ввел понятие «аритмология» как основу нового мировоззрения и новой эстетики⁷.

Явление прерывности в самых разных областях жизни позволяет нам рассмотреть процессуальное как свойство, присущее мировоззрению Ивана Карамазова и отражающееся в его квазинаучном мышлении. Если обратимся к Ивану словно к исторически существующему персонажу, о котором сохранился лишь один-единственный источник в виде романа Достоевского, то узнаем о его прошлом, что «кончил он курс естественником» (14; 16). «Естественник» может быть человеком, исследующим явления природы, мир животных, насекомых и т.д. на объективном расстоянии от них. Смердяков стал поваром у Федора Павловича потому, что был брезглив (что подразумевает чистоплотность). Брезгливость чувствуется и в Иване. В своем обращении к математике с намерением изучать высшие абстрактные явления он отказывается от действия в окружающем его мире. Но следует отметить, что 23-летний Иван не формулирует окончательную философскую программу. Его идеи ассоциируются с поспешно положенными слоями масляных красок и формами, противоречащими друг другу во все еще неудачной попытке охватить целостность, — неудачной потому, что в его мировоззрении нет единства между творцом и творением: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять» (14; 214). *Иван мыслит универсально,*

но фрагментарно, что свидетельствует о том, что он внутри некоего процесса. В данной статье восприятие математики Иваном поможет раскрыть его религиозные и нравственные противоречия.

Не-эвклидова геометрия

Начнем со «знакомства» Ивана с Алешей в пятой книге романа «Pro и contra», когда Иван хочет объяснить брату свою «суть» и что он за человек. Он объявляет, что принимает Бога «прямо и просто <...>

Но вот однако что надо отметить: если Бог есть и если Он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал Он ее по эвклидовой геометрии, а ум человеческий с понятием лишь о трех измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная, или еще обширнее, — все бытие было создано лишь по эвклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые по Эвклиду ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где ж мне про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего» (14; 214)⁸.

Здесь Иван затрагивает два парадоксальных достижения математики XIX века: во-первых, четырехмерные и многомерные пространства, и во-вторых, не-эвклидову геометрию.

И. Кант утверждал, что геометрические постулаты Эвклида являются синтетическими a priori суждениями, воспринимающимися истинными независимо от опыта и семантики выражения. Из этого, в частности, следуют выводы о том, что существует а) только одно пространство, б) пространство обладает тремя измерениями, в) прямая линия — самое короткое расстояние между двумя пунктами, г) время течет только в одном направлении, и некоторые другие⁹. Следовательно, Кант также верил в пятый постулат Эвклида: «И чтобы всякий раз, как прямая, пересекая две прямые, образует с ними внутренние односторонние углы, составляющие вместе меньше двух прямых, эти прямые при неограниченном про-

должении пересекались с той стороны, с которой эти углы составляют меньше двух прямых»¹⁰.

Из пятого постулата следует, что а) две прямые параллельные линии не пересекаются никогда¹¹ и что б) непараллельные прямые линии пересекаются всегда¹². Но из-за своего сложного для аксиомы построения пятый постулат Эвклида считался спорным. В течение двух тысячелетий математики делали многочисленные и страстные попытки решить проблему параллельных линий. Бездна надежность одной из таких попыток отражена в письме венгерского математика Ф. Боляи сыну Яноши:

«Молю тебя, оставь в покое учение о параллельных линиях; ты должен страшиться его, как чувственных увлечений; оно лишит тебя здоровья, досуга, покоя, оно погубит счастье твоей жизни. Этот глубокий бездонный мрак может поглотить тысячу таких гигантов, как Ньютон <...> Да хранит тебя Бог от этого увлечения, которое так сильно овладело тобой. Оно лишит тебя радости не только в геометрии, **но и во всей земной жизни** <...> Непостижимо, что в геометрии существует эта непобежденная темнота, этот вечный мрак, туча, пятно на девственной, нетронутой истине <...> Дальше геркулесовы столпы; ни шагу дальше, или ты погибнешь!»¹³.

В. Губайловский связывает Иваново упоминание о не-эвклидовой геометрии с открытиями Н. Лобачевского, впервые предложившего альтернативу к пятому постулату в 1826-м году¹⁴. Однако Е. Кийко правильно отмечает, что тезиса о *пересечении* параллельных линий у Лобачевского нет¹⁵. Наоборот, по геометрической системе Лобачевского непараллельные прямые линии не пересекаются никогда¹⁶. Слова Ивана, «что две параллельные линии <...> может быть, и сошлись бы», скорее напоминают о геометрии Б. Римана. В 1854-м году Риман читал лекцию о том, как параллельные прямые линии всегда будут пересекаться из-за кривизны плоскости¹⁷. С геометрией Римана Достоевский мог познакомиться из статьи немецкого физика Г. Гельмгольца «О происхождении и значении геометрических аксиом»¹⁸. Статья, предназначенная для широкого круга читателей, была опубликована в России на русском языке в 1876-м году. Известно, что Н. Страхов, бывший студент математического отделения Петербургского университета и близкий собеседник Достоевского во время написания «Братьев Карамазовых», упоминал о статье Гельмгольца в переписке с Л. Толстым¹⁹.

Метафизика пересекающихся параллелей

Следующая цитата из А. Эйнштейна свидетельствует о непосредственном влиянии геометрии Римана на наше понимание устройства Вселенной: «Заслуга Римана в развитии идей о соотношении между геометрией и физикой двойка. Во-первых, он открыл сферическую (эллиптическую) геометрию, которая является антитезой гиперболической геометрии Лобачевского. Таким образом, он впервые указал на возможность геометрического пространства **конечной протяженности**. Эта идея сразу была воспринята и привела к постановке вопроса **о конечности физического пространства**»²⁰.

Примечательно, что в начале XX века П. Флоренский в книге «Мнимости в геометрии» и вслед за ним А. Лосев в книге «Диалектика мифа» рассматривают геометрию Римана не только в космологическом, но и в сакральном контексте. Для них система Эвклида отражает бесконечность Вселенной, как в еретическом учении Дж. Бруно. Если две непересекающиеся линии бесконечны по длине, то пространство вокруг них должно быть *бесконечным* по размеру. Но, согласно Лосеву, из предположения о бесконечности посюстороннего мира следует пантеизм в стиле Бруно, приводящий к потере границы и формы и, в следующую очередь, к «нигилизму нового времени»²¹. С другой стороны, если параллельные линии пересекаются, то это свидетельствует о конечности Вселенной и о том, что посюсторонний мир имеет предел. Предположим тогда, вопреки утверждению И. Ньютона, что физические законы неодинаковы в пространстве. Как в средневековом мировоззрении Данте, Вселенная разделена на две части — Землю и Небо, качественно различные. Флоренский видит в этом доказательство существования Царства Божия за границей имманентного мира. Он предпринял попытку математически вычислять расстояние от Земли до области «небесных движений». По его полемическим расчетам, граница посюстороннего мира и Царства Божия проходит между орбитами Урана и Нептуна²².

Однако Иван говорит о том, что параллельные линии могли бы пересечься *в бесконечности*. Из двух заметок в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» видно значение бесконечности для поиска ответа на вопрос «есть ли Бог?»: «Если б где в мире был конец, то был бы всему миру конец. Параллелизм линий. Треугольник, слияние в бесконечности, одна квадрильонная все-таки ничтожность

перед бесконечностью. В бесконечности же параллельные линии должны сойтись. Ибо все эти вершины треугольника все-таки в конечном пространстве, и правило, что тем бесконечнее, тем ближе к параллелизму, должно остаться. В бесконечности должны слиться параллельные линии, но — бесконечность эта никогда не придет. Если б пришла, то был бы конец бесконечности, что есть абсурд. Если б сошлись параллельные линии, то был бы конец миру и геометрическому закону и Богу, что есть абсурд, но лишь для ума человеческого.

Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если б не было бесконечности, не было бы и конечности, немыслима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир» (27; 43).

Идеи Достоевского здесь приближаются к головокружительным высотам «немыслимых мыслей». В первой заметке под «треугольником» и «квадрильонной ничтожностью», по всей вероятности, имеются в виду бесконечно малые углы, возникающие при пересечении параллельных линий²³. Но похоже, что налицо недоразумение, ибо Флоренский понимает пересечение параллельных линий как доказательство «земной» конечности, тогда как для Достоевского пересечение возможно только в *отсутствии конечности*. У Эвклида две параллельные линии продолжаются без пересечения. Но то, что они не пересекутся «на земле», с другой стороны также означает, что они могут пересечься исключительно в предполагаемой (потенциальной) бесконечности. При опровержении «эвклидовского ума» утверждением о пересечении параллелей в бесконечности Достоевский путает геометрию Римана с геометрией Эвклида.

Однако следует отметить, что, во-первых, вторая заметка в какой-то степени поправляет первую. Достоевский пишет «реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен», что соответствует «птолемеевому» миропониманию Флоренского, где посюсторонний мир является конечным, а Бог — актуально бесконечным²⁴.

Во-вторых, эти две заметки являются отрывками, которые приобретают смысл только на фоне широкого анализа мировоззренческих исканий Достоевского. Бердяев пишет, что человек составляет *единственный* всепоглощающий интерес Достоевского: «Правда, у

Достоевского есть город, есть городские трущобы, грязные трактиры и вонючие меблированные комнаты. Но город есть лишь атмосфера человека, лишь момент трагической судьбы человека, город пронизан человеком, но не имеет самостоятельного существования, он лишь фон человека»²⁵. Мы понимаем здесь «город» не только как «Санкт-Петербург» или «Скотопригоньевск», но как *пространство* в космологическом смысле. Математика и физика интересуют Достоевского постольку, поскольку они способствуют освящению души человека и возможности ее спасения на Божьем Суде. Контекстом его отрывочных мыслей из области математики является не наука как таковая, со всеми ее нюансами, а личная судьба Ивана.

В-третьих, может показаться слишком педантичным с нашей стороны упрекать Достоевского в, по-видимому, незначительной неточности. Но такая нестыковка, непростительная для юного студента-инженера Достоевского, у писателя Достоевского усиливает ощущение незаконченности мыслей Ивана. «Вихри к неведомому грядущему» естественно требуют отрывочного стиля писания. По мнению В. Соловьева, Достоевский, акцентируя внимание на *процессах* становления нового мира, по-другому обращается с фактами, нежели Толстой, всегда передающий сюжеты как можно точнее в соответствии с действительностью и поэтому направляющий все внимание «не вперед, а назад»²⁶, то есть на результативное.

«*Krise der Anschauung*»

Достоевский использует математические приемы, геометрию, числа и даже просто слово «математика» не для создания академической философской системы, а для того, чтобы показать образ рациональной достоверности. Непокколебимая правда чувствуется в расчетах великого инквизитора: «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев» (14; 236), и в знаменитой цитате из «Бесов»: «Если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной» (10; 198)²⁷.

Используя математику в доказательствах бытия Бога, Иван переступает через порог той области, где может показаться, что, действительно, истина не в воплощении изначального слова, а в слове, исходящем из человека. Он представляет Алеше истиноподобный и одно-

временно *мысленно непреодолимый* парадокс. Развитие не-эвклидовой геометрии позволило австрийскому математику Х. Хану употреблять выражение «Krise der Anschauung» — «кризис воображения»²⁸. Человеческое воображение и восприятие подчиняются эвклидовой геометрии потому, что никто не может себе визуально представить ни четырехмерное пространство, ни пересечение параллельных линий. Не-эвклидова геометрия тогда составляет антиномию между рациональной доказательностью и непредставимостью, так как она, с одной стороны, «железно» доказана математиками, а, с другой стороны, недоступна восприятию. Согласно немецкому слависту А. Нидербудде, у Флоренского сферическое пространство Римана подходит для моделирования небесных явлений благодаря тому, что эта пространственность не является наглядной²⁹. Но такая тенденция использования современной геометрии в сакральном контексте уже присутствует у Ивана, когда он принимает Бога на основании ненаглядности пересечения параллельных линий.

Апофеоз не-эвклидового «ума», где Бог «объясняется» математическими приемами, позволяет Ивану направить все свои запросы в эсхатологическую сторону. Пересечение параллельных линий в трактовке Ивана как будто антропогенное «чудо», созданное логикой и фактически уравниваемое с непостижимостью Бога: «если я даже этого не могу понять, то где ж мне про Бога понять?» «Смирено» осознавая свои ограничения, Иван принимает Бога, премудрость Его и цель Его. Но тем самым он «насильственно» исключает веру из своего мировоззрения, так как Бог у него признается не a priori, а как некая констатация факта. Смирение схоласта перед им же произведенными доказательствами позволяет Ивану выразить равнодушие к вопросу, больше всего занимающему его мысли: «человек ли создал Бога или Бог человека?» (14; 214). Вполне логически, что Иван, наряду с приятием мысли о Боге, в доме у Федора Павловича без каких-либо аргументов утверждает, что ни Бог, ни бессмертие, ни Дьявол не существуют, и опять пользуется «математическим» термином «совершенный нуль» (14; 123). Ищущий ум Ивана не позволяет ему отдаваться необоснованным утверждениям ни в пользу атеизма, ни в пользу религиозности. В замыслах несостоявшегося романа «Житие великого грешника», предшествовавших «Братьям Карамазовым» на десять лет, Достоевский хотел поставить вопрос о существовании Божьем через героя, который «в продолжение жизни то атеист, то верующий, то

фанатик и сектатор, то опять атеист» (29, I; 117). Диапазон мировоззрений напоминает о колебаниях Ивана. Но в отличие от «Великого грешника» Иван отрицательный герой, не являющийся ни атеистом (атеист не принимал бы Бога), ни верующим (верующий не требовал бы эмпирических доказательств существования Бога), и даже ни грешником (доверяем словам Алеши³⁰: «Не ты убил отца, не ты!» — 15; 40). Для Ивана Бог существует просто даже на основании того, что никто не бунтует против пустоты. Но через а priori отрицание или математические доказательства Его существования *Иван пытается покорить Бога земным понятиям.*

В таком контексте неудивительно, что великий инквизитор позволяет себе высказать смертный приговор Небесному Отцу: «Завтра сожгу тебя. Dixi» (14; 237). Несуществование или существование Бога сводится в конце концов к логическим умозаключениям Ивана. Рационализмом можно достичь познаний четырехмерного пространства и пересечения параллельных линий, но Бог дал человеческому восприятию и воображению только «жалкий эвклидовский ум», ограниченный внутри трех измерений. Поэтому Иван не Бога не принимает, а мира Его.

В черновике романа присутствует намек на то, что несоответствие между воображением и рациональным сознанием может быть преодолено:

«— Алеша, веруешь ты в Бога?

— Верую всем сердцем моим и более, чем когда-нибудь.

— А можешь принять? Можешь понять, как параллельные линии сойдутся? Можешь понять, как мать обнимет генерала и простит ему?

Алеша молчит.

— Нет, еще не могу. *Еще* не могу» (15; 228).

Выделенное курсивом слово «еще» усиливает ощущение апокалипсиса, когда человек, создавая новые законы пространства и времени, видит себя на переломе к «неведомому грядущему». Такая утопическая тенденция потом стала характерной для русской культуры раннего XX века. Не случайно К. Малевич на «Последней футуристической выставке 0.10» в 1915-м году употреблял невизуализируемое «четвертое измерение» в пяти названиях своих — естественно видимых — картин³¹. Иван — прототип эпохи кризиса, когда ожидание радикальных новых аксиом психофизиологии³² не позволяет ему верить, как люди верили раньше, в гармонию Творца с сотво-

ренным миром. То, что он сопоставляет пересечение параллелей с пересечением рук обнимающей мучителя сына матери, свидетельствует о перенесении математических явлений потустороннего мира на посюстороннюю реальность, которую он не принимает: «Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму...» (14; 215). Дальше Иван сводит всю свою мировоззренческую концепцию к открытию не-эвклидовой геометрии: «...Вот моя суть, Алеша, вот мой тезис» (там же).

Инструментальное сопереживание

По мнению В. Кантора, богоборческий пафос Ивана сводится к ощущению дисгармонии, так как герой никак не может примириться со страданием детей³³. Другими словами, Ивану нужен Бог как ответчик за зло на земле. Однако, на наш взгляд, такое толкование образа Ивана не соответствует «математической» концепции, объявляемой им своей «сутью» и «тезисом». Если бы Ивана волновало страдание невинных, то следовал бы вывод о том, что у него *осознанное* сопереживание с ними. Но именно в его отношении к детям становится очевидно, что при стремлении жить полностью теоретическим разумом он никакого сочувствия не проявляет. В дискуссии с Алешей он утверждает, что «деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом (мне однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом)» (14; 216), и, по-видимому, возмущается из-за их страданий. Но это так называемое «возмущение» носит чисто инструментальный характер. Во-первых, из теоретической любви к детям у Ивана не следует никакого практического действия. Так, в отличие от Алеши он не общается с детьми. Во-вторых, его равнодушие к страданию детей становится очевидным, когда Lise пересказывает ему распространенный миф о ритуальных убийствах младенцев евреями. Его реакция описана следующим образом: «Он вдруг засмеялся и сказал, что это в самом деле хорошо. Затем встал и ушел. Всего пять минут сидел» (15; 24).

Поэтому, на наш взгляд, источником богоборческого пафоса Ивана не может являться незавершенность сотворенного Богом мира. Следует «перевернуть» перспективу. На мировоззрение Ивана влияет не столько *возмущение*, сколько *динамика его математического мышления*. Не внешнее присутствие зла на земле влияет на

Ивана и ведет к его бунту. Его бунт исходит изнутри, из теоретических переживаний, согласно которым весь мир (созданный лишь по эвклидовой геометрии и трем измерениям пространства) теряет свою ценность. И только на втором месте после теоретических размышлений он выдвигает практические примеры страдания детей в качестве «материального» обоснования своего отказа от мира. Его бунт против Бога исходит не из сопереживания к страдающим детям, а из математики. Не из «горячего сердца», как у Дмитрия Карамазова, а из холодной головы: «Ты не знаешь, для чего я это все говорю, Алеша? У меня как-то голова болит, и мне грустно» (14; 217).

Сопереживание подчиняется рационализму. Поэтому самопожертвование великого инквизитора ради человечества является лишь карикатурой на притчу о пшеничном зерне, приносящем плод своей смертью. Зосима цитирует Хохлаковой слова ради знакомого доктора: «Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц» (14; 53). Не сопереживая разворачивающемуся вокруг семейному кризису, Иван говорит Алеше идентичные по смыслу слова: «Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» (14; 215). В любви к человечеству отражается поиск универсальных решений — некое стремление постичь непостижимое. Его сердце только вместе с тем, что далеко и еще не достигнуто — и в этом процессуальное преобладает над результативным.

«Двойник» истины

Эвклидова геометрия представляет собой безупречность, сочетающуюся в мыслях Ивана с потенциалом не-эвклидовой геометрии для открытия невидимой и непредставимой действительности. Таким образом, Иван ищет альтернативную истину в математике — то есть истину вне Христа. Но способен ли человек к созданию такого «двойника» истины? Невозможность математического подхода к Богу Достоевский показывает во время судебного процесса, напоминающего неверную формулу, приводящую к судебной ошибке. Но формула неверна не потому, что где-то в ее сегментах были недочеты — она сама по себе в трактовке и прокурора, и адвоката является правильной: *три тысячи рублей, получен-*

ных от Катерины Ивановны, минус три тысячи рублей, потраченных в Мокром, равны нулю. Следовательно, деньги, потраченные Дмитрием в ночь после убийства, были украдены у покойного отца. Формула приводит к ошибке потому, что она обусловлена чистым математическим мышлением. Ни прокурор, ни адвокат до конца не понимают психологию Дмитрия, побуждающую его скрывать тысячу пятьсот рублей вопреки всем рациональным расчетам. У Катерины Ивановны есть письмо, которое Иван считает «математическим доказательством» (15; 39) виновности Дмитрия. Но каким бы на суде ни казалось убедительным «математическое доказательство», читатель знает, что убил Федора Павловича не Дмитрий, а Смердяков. В человеческом суде царит математическая истина, созданная человеком, но закон Бога включает в себе мысль о *непостижимости* абсолютной истины, которая только в Боге и только одна.

Эта другая истина — истина об отцеубийстве — проявляет себя в судьбе Дмитрия как провидение: «Бог, как сам Митя говорил потом, сторожил меня тогда» (14; 355). Но в той истине, в которой воскреснет Дмитрий, мучается Иван: *если убийца не Дмитрий, то убийца — я*. Иван убежден, что противоречия исчезнут «как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького как атом человеческого эвклидовского ума» (14; 214—215). Считая противоречия лишь жалким миражом, и используя такое выражение, как «атом ума», Иван подчиняет свое мышление физическим и химическим процессам, где нет места исключениям ни для Бога, ни для Его милостей. В дискуссии о церковно-общественном суде Иван предлагает, чтобы государство обратилось в церковь, чтобы преступнику не осталось приюта ни на сей, ни на той стороне бытия: «Я вас спрашиваю, куда бы пошел отлученный? Ведь тогда он должен был бы не только от людей, как теперь, но и от Христа уйти» (14; 59). Если Зосима в своем ответе сосредоточен на спасении преступника, то Иван выдвигает идею его *вечного осуждения*. Но как быть тогда, если Иван, по-своему принимая Бога, видит себя самого в качестве преступника? Рассуждение о церковном суде фатально сказывается на его собственной судьбе, когда Смердяков убеждает его в причастности к убийству Федора Павловича. «Иван живет в почти не материализованном пространстве» — пишет Г. Пономарева³⁴, переживая, в основном, фантастические сюжеты³⁵. Иван в «своей» автономной реальности ставит себя и на место судьи, и на место подсудимого. Раздвоение себя самого преследует его перед скотопри-

гоньевским судом: «Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: “захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу”. За ней ходят с сарафаном, али с паневою что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: “захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу”... Это в какой-то нашей народности...» (15; 116). Вопрос о том, был ли он виновен или нет, на наш взгляд, не главный, так как *одно убеждение* в виновности достаточно, чтобы он своим же умом свел себя с ума.

Ощущение отлученности возникает у героя, осознающего и принимающего в своем внутреннем мире только два движителя: рассуждение и самоубеждение. Но помимо осознанных сил, есть еще *икс* «в неопределенном уравнении» (15; 77), как называет себя черт — «приживальщик» Ивана. Для понимания функции черта следует отметить, что отсутствие целостности в образе Ивана может сводиться к предположению, что в романе существуют «два Ивана». Есть «Иван^а» в его собственном представлении о себе как естественнике и математике. Есть еще «Иван^б» за пределами его самопознания. «Иван^а» игнорирует сердце «Ивана^б», охарактеризованное старцем как «высшее, способное такой мукой мучиться» (14; 65). На наш взгляд, такая двойственность даже переносится на образ великого инквизитора. Ведь поцелуй Христа «горит на его сердце, но старик остается в прежней идее» (14; 239), что говорит о присутствии «инквизитора^б» за пределами познания рассказчика.

Искушение не только безвыходным, но и обманчивым рационализмом ведет к самообману Ивана. Черт поднимает темы из астрономии, физики, математики, такие, как скорость света, эфир, атомы, химия, квадриллион, протоплазма. Тем самым он ставит себя на «один уровень» с естественником Иваном, но только для того, чтобы извратить и унижить его теории. В качестве примера можно привести гравитацию, из-за которой топору вечно суждено кружиться в пространстве вокруг земли: «Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь» (15; 75).

О том, что не только Иван, но и не принимаемый Иваном мир раздроблен, как кубистская композиция, и не в его силах создать новое единство, свидетельствует издевательская шутка черта: «Исчез прежний доктор, который ото всех болезней лечил, теперь только одни специалисты и все в газетах публикуются. Заболи у тебя нос, тебя шлют в Париж: там дескать европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит нос: я вам, ска-

жет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых ноздрей не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист левую ноздрю долечит» (15; 76). Таким образом, Достоевский рассказывает то, что потом П. Пикассо показывает, например, в изображении плачущей дамы, ноздри которой расположены в разных местах. Мир еще не достроен, и в этом процессуальное опять преобладает над результативным.

Заключение А:

По-видимому математически доказав существование истины вне Христа, Иван не остается с Христом. Но Бог создал человека по Своему образу и подобию. Поэтому, отдаляясь от Бога, Иван отдаляется от себя самого. Происходит раздвоение на «Ивана^а» и «Ивана^б», что объясняет его душевные мучения и отсутствие внутренней гармонии.

Заключение Б:

О себе Достоевский писал: «Шваховат я в философии (но не в любви к ней, в любви к ней силен)» (29, I; 125). То, что Достоевский не признает себя как философа, позволяет ему описывать мир, где целостность еще не достигнута, и окончательных ответов не может быть. Согласно шведскому богослову Е. Намли, Иван в своем лишь «теоретическом разуме» не может ни жить, ни умереть³⁶. Но в «текущей лаве» незаконченности три брата, выросших раздельно и не знавших друг друга, в конце романа воспринимаются именно как *братья* — то есть как начинающееся единство. В этом заключается осторожный оптимизм по отношению к дальнейшей судьбе Ивана.

Заключение В:

Представляя личность Ивана как некую «раздробленную функцию», Достоевский указывает на эстетические и математические тенденции будущего. Учитывая претензии надтреснутого мировосприятия Ивана на всецелостность и интерес символистов, таких, как Белый и Флоренский, к надтреснутости, неудивительно, что Бердяев в ретроспективе катаклизмов XX века приписал Достоевскому пророческий дар. Акцент Достоевского на тех источниках,

«материалах», «формах» и экспериментальных приемах, с помощью которых строится подлинная философия, позволяет нам считать роман «Братья Карамазовы» произведением, предшествующим модернизму.

Примечания

¹ **Белый А.Н.** Символизм. Книга статей. — М. — 1910. — С. 144.

² **Greenberg С.** Modernist Painting // The Collected Essays and Criticism. — Vol. 4. — Chicago, 1993. — P. 85—87.

³ «Вы должны знать, что, описывая плоскость картины линиями, и покрывая очерченные места красками, ни к чему другому не стремитесь, нежели как на данной плоскости представить формы видимых вещей такими, будто они сделаны из прозрачного стекла...» (**Alberti L.B.** Drei Bücher über die Malerei // **Alberti L.B.** Kleinere künsttheoretische Schriften. — Vienne, 1888. — S. 68. — Перевод мой. — Ф.Х.).

⁴ **Бердяев Н.А.** Мирозерцание Достоевского. — М., 2006. — С. 13.

⁵ Там же. — С. 15.

⁶ **Соловьев В.С.** Три речи в память Достоевского // **Достоевский Ф.М.** Записки из подполья. — М., 2011. — С. 190.

⁷ **Бугаев Н.В.** Математика и научно-философское мирозерцание // Философская и социологическая мысль. — М., 1989.

⁸ Небезынтересно, что образ Ивана составляет сложность для переводчиков. Об этом говорит тот факт, что данная цитата и все упоминания о не-эвклидовой геометрии были пропущены в немецком переводе **В. Борского**: «Und darum erkläre ich: ich nehme Gott einfach als vorhanden hin (Пропущено: «Но вот однако что надо отметить [...] что не от мира сего»). Auch dir, Aljoscha, rate ich, nie darüber nachzudenken, ob Gott existiere oder nicht. Das sind Fragen die über unsern Horizont hinausgehen. (Пропущено: «Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях») <...> Ich bin davon überzeugt, die Schmerzen werden sich geben, die Wunden werden heilen, die ganze Komödie der menschlichen Widersprüche wird sich auflösen, wie eine klägliche Fata Morgana, wie eine armselige Ausgeburt des schwachen Menschegeists, (Пропущено: «<...> малосильного и маленького как атом человеческого эвклидовского ума») und es wird schließlich am Ende dieser Welt, in dem Augenblick, wo alles sich in Harmonie aufklären wird, etwas so Erhabnes und Köstliches geschehen, daß alle Herzen dadurch für all ihr Mißgeschick und all Ihre Schmerzen getröstet, alle menschlichen Bosheiten wieder gutgemacht werden, alles von Menschen vergossene Blut tausendfach vergolten wird. <...> Es wird geschehen, und ich werde es sehen und sagen: Gut, ich habe es gesehen, aber trotzdem akzeptiere ich es nicht. (Пропущено: «Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму») Sieh,

Aljoscha, so einer bin ich — das ist meine Thesis» (**Достоевский Ф.М.** Die Brüder Karamasow — ein Roman aus dem russischen Leben. Druck und Verlag von U. Weichert. — Berlin, 1963. — S. 193—194).

⁹ **Stigen A.** Tenkningens historie. — Oslo, 1986. — S. 590—591.

¹⁰ Цит. по: **Владимиров Ю.С.** Метафизика. — М., 2009. — С. 236.

¹¹ Рис. 1:

¹² Рис. 2:

¹³ Цит. по: **Владимиров Ю.С.** Метафизика. — С. 237.

¹⁴ **Губайловский В.А.** Геометрия Достоевского // Новый мир. — 2006. — № 5.

¹⁵ **Кийко Е.И.** Восприятие Достоевским неевклидовой геометрии // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 6. — Ленинград, 1985. — С. 120.

¹⁶ На рис. 3 это явление условно показано, так как визуально его представить невозможно. Предположим, что две непересекающиеся линии такие же прямые, как на иллюстрациях 1 и 2:

¹⁷ На рис. 4 предположим, что линии такие же прямые и параллельные, как на рис. 1:

¹⁸ **Гельмгольц Г.** О происхождении и значении геометрических аксиом // Знание. — 1876. — № 8.

¹⁹ **Кийко Е.И.** Восприятие... — С. 122—124.

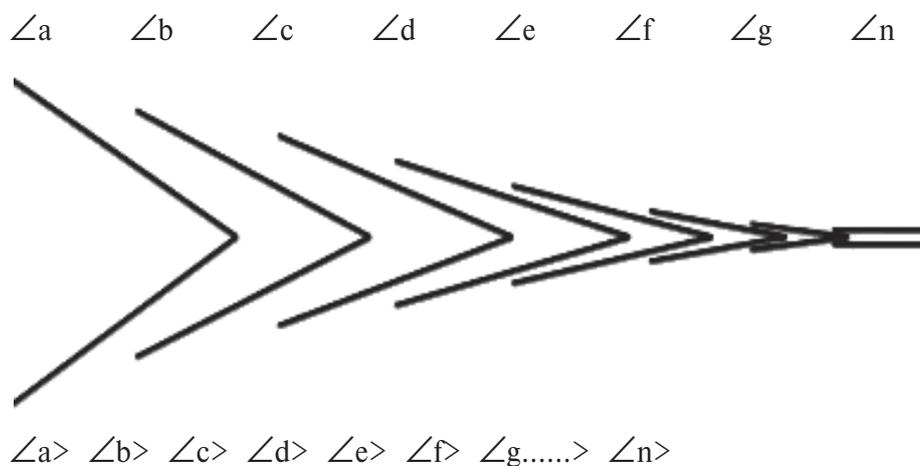
²⁰ Цит. по: **Владимиров Ю.С.** Метафизика. — С. 243—244.

²¹ **Лосев А.Ф.** Диалектика мифа. — М., 2008. — С. 185.

²² «Итак, область небесных движений в 27,5 раз далее от Земли, чем Солнце; иначе говоря, граница ее — между орбитами Урана и Нептуна. Результат поразительный, потому что им Птолемео-Дантовское представление о мире подтверждается даже количественно, а граница мира приходится как раз там, где ее признавали с глубочайшей древности» (**Флоренский П.А.** Мнимости в геометрии. — М., 1922. — С. 50).

²³ Рис. 5 условно показывает «параллелизм» уменьшающихся углов как «треугольник». $\angle n$ олицетворяет то, что Достоевский называет «слиянием»

в бесконечности» и «одной квадрильонной ничтожностью перед бесконечностью»:

²⁴ О значении актуальной бесконечности в контексте творчества Достоевского см. упомянутую статью **В. Губайловского**.

²⁵ **Бердяев Н.А.** Миросозерцание Достоевского. — С. 30.

²⁶ **Соловьев В.С.** Три речи... — С. 190.

²⁷ Здесь выбираем формулировку из романа «Бесы», где эта мысль приписана прежним взглядам Ставрогина. В письме Достоевского 1854-го года Фонвизиной отсутствует слово «математически» (ср. 28, I; 176).

²⁸ **Hahn Н.** Krise der Anschauung // **Hahn Н.** Empirismus, Logik, Mathematik. — Frankfurt, 1988.

²⁹ **Niederbudde А.** Mathematische Konzeptionen in der russischen Moderne // Slawistische Beiträge. — München, 2006. — С. 216.

³⁰ Доверие к словам Алеши оправдывается в черновиках романа, где Иван говорит младшему брату: «Ты сама правда, ты не можешь лгать» (15; 228).

³¹ **Henderson L.D.** The Fourth Dimension and Non-Euclidean Geometry in Modern Art. — Princeton, 1983. — P. 238.

³² Утопическое ожидание новой психофизиологии чувствуется и у Флоренского, когда он про законы, обусловленные теорией относительности, пишет: «...но это вовсе не значит, чтобы таковые условия были немислимы, а может быть, с расширением области опыта, — и представимыми» (**Флоренский П.** Мнимости в геометрии. — С. 50—51).

³³ **Кантор В.К.** «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. — М., 2010. — С. 154.

³⁴ **Пономарева Г.Б.** Житийный круг Ивана Карамазова. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. — Ленинград, 1991. — С. 154.

³⁵ Там же.

³⁶ **Namli Е.** Kamp med förnuftet — rysk kritik av västerländsk rationalism. — Shellefteo, 2009. — P. 67.